

УДК 172.4:396”197”
doi:10.35853/vestnik.gu.2024.12-3.10
5.7.8.

Матери в борьбе за мир: советский проект 1970-х годов

Екатерина Сергеевна Черепанова¹, Мария Анатольевна Янцен²

^{1,2}Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹e.s.cherepanova@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2126-1678>

²Maria.Iantsen@urfu.me, <https://orcid.org/0009-0003-8839-4891>

Аннотация. В статье на материале массовых изданий для женщин реконструируется идеологический проект женщины-матери, борющейся за мир во всем мире. Анализ материалов происходит в аспекте трактовки этого проекта как феномена постконфликтной культуры 1970-х годов, которая формировалась под влиянием предшествующей практики осмысления итогов Великой Отечественной войны, определившей отношение к новым военным конфликтам этого периода. Проектирование человека понимается не только как реализация конкретного проекта, но и как деятельность, направленная на осмысление и описание будущего в теориях антропологической направленности в различных областях гуманитарного знания, как различного рода практики изменения человека, репрезентированные в культуре. Выявлены противоречащие друг другу тенденции: с одной стороны, женщину ориентировали стать еще более современной, свободно реализующей себя (в том числе как активной участницы борьбы за мир) в условиях развитой поддержки со стороны государства; с другой стороны, был реактуализирован традиционный смысл материнства, вновь понимаемый как неотъемлемое качество женственности. Проектирование женщины-матери рассматривается на четырех уровнях – концептуализация военных конфликтов, нравственная оценка войны, визуальные образы матерей, борющихся за мир, и воплощенный идеал.

Ключевые слова: постконфликтная культура, военный конфликт, проектирование человека, материнство, советская культура

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00851, <https://rscf.ru/project/23-18-00851/>

Для цитирования: Черепанова Е. С., Янцен М. А. Матери в борьбе за мир: советский проект 1970-х годов // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12, № 3. С. 126–138. DOI 10.35853/vestnik.gu.2024.12-3.10.

Mothers in the Fight for Peace: The Soviet Project of the 1970s

Ekaterina S. Cherepanova¹, Maria A. Yantsen²

^{1,2} Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

¹e.s.cherepanova@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2126-1678>

²Maria.Iantsen@urfu.me, <https://orcid.org/0009-0003-8839-4891>

Abstract. The article uses material from popular women’s magazines to reconstruct the ideological project of a woman-mother fighting for world peace. This project is interpreted as a phenomenon of post-conflict culture in the 1970s, shaped by the reflection on the outcomes of the Great Patriotic War, and by the corresponding changes in the attitudes toward new military conflicts of that period. Designing the human being is understood not only as the goal of a specific project but also as an activity aimed at understanding and describing the future in various

anthropological theories and as different practices of human engineering represented in culture. The process of creating a new woman was riddled with contradictions: on the one hand, women were encouraged to benefit from state support to become even more modern and to freely realize themselves (among other things, as active participants in the fight for peace); on the other hand, the traditional meaning of motherhood as an inherent quality of femininity was re-emphasized. The project is analyzed on four levels: the conceptualization of military conflicts, the moral assessment of war, visual images of mothers fighting for peace, and the embodied ideal.

Keywords: post-conflict culture, military conflict, human engineering, motherhood, Soviet culture

Acknowledgments: the research was supported by a grant of the Russian Science Foundation № 23-18-00851, <https://rscf.ru/project/23-18-00851/>

For citation: Cherepanova ES, Yantsen MA. Mothers in the Fight for Peace: The Soviet Project of the 1970s. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2024;12(3):126-138. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2024.12-3.10.

Введение

Военные конфликты последнего времени актуализируют проблемы, связанные с вопросом будущего после завершения противостояния. В этой связи на первый план выходит феномен постконфликтной культуры, раскрывающийся в многообразии интеллектуальной рефлексии о результатах конфликта, практиках социальной интеграции и институций, их поддерживающих. Одним из направлений постконфликтных трансформаций является изменение человека, новый образ которого предлагается идеологией, репрезентирован в теориях антропологической направленности (философских, педагогических и т. п.), в художественной культуре и практиках памяти. Советская культура второй половины XX века неразрывно связана с опытом пережитой Великой Отечественной войны, тем самым представляя собой уникальный предмет анализа с точки зрения постконфликтного развития. Идеологически определенная направленностью к будущему в рамках марксистского понимания истории, советская культура позволяет изучать и собственно проект человека, выявляя несовпадение цели и результатов проектирования.

В рамках данного анализа мы будем руководствоваться следующими методологическими установками. Во-первых, проектирование человека понимается в данном случае не только как деятельность в рамках реальных проектов, создание концепций антропологической направленности в различных областях гуманитарного знания (философия, педагогика и т. п.), но также и как различные культурные практики изменения человека. Обсуждение итогов конфликта с точки зрения влияния на людей, политики памяти и теоретизирование о последствиях пережитой войны представляют собой деятельность, отражающую проект будущего, в центре которого образ нового человека, проектируемый относительно пережитого опыта военного противостояния.

Во-вторых, проектирование человека в 1970-х годах рассматривается как феномен постконфликтной культуры, которая складывается после Второй мировой войны и развивается в условиях глобального противостояния Востока и Запада, СССР и США. Конкуренция в области вооружений была неразрывно связана с открытиями новых технологий, так что советская идеология этого периода связывает социальный прогресс не только с преимуществом социалистической экономики, но и с тем, что используются передовые достижения науки и техники. В материалах XXIV съезда КПСС это описывалось таким образом: «Ныне резко усилилась роль такой сферы классово-политической борьбы между социализмом и капитализмом, как экономическое и научно-техническое соревнование двух мировых систем» [XXIV съезд Коммунистической партии ... 1971, т. 1, с. 63]. Также особенностью этого периода можно назвать обновление образа СССР как борца за мир на фоне войны США во Вьетнаме, а также других локальных военных конфликтов.

В-третьих, следует подчеркнуть, что проектирование человека происходит на основе понимания сущности человека, его природы и перспектив существования. В 1970-х годах в СССР проектирование происходило в рамках марксистско-ленинской философии, в рамках которой человек понимался как продукт социальных отношений. Ключевой характеристикой советского общества 1970-х был концепт развитого социализма, который заменил предшествующий брежневскому периоду концепт – развернутого строительства коммунизма. Трактовался развитый социализм как условие коммунизма, который мог быть достигнут только при условии «окончательно победившего и упрочившегося социализма» [Ленин 1969, с. 253]. Это такой тип общества, при котором в полной мере реализуется принцип «от каждого по способностям, каждому по труду». Труд же осуществляется на современном производстве, в условиях планирования и использования новых технических достижений. Действительный рост благосостояния народа предполагалось достичь «на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, научно-технического прогресса и ускорения роста производительности труда» [XXIV съезд Коммунистической партии ... 1971, т. 2, с. 16, 227].

Природа человека трактовалась материалистически, а труд понимался как творчески-преобразующая деятельность и признавался условием развития человека. Преодоление отчужденного характера труда в социалистическом обществе позволяло человеку гармонично развиваться телесно и интеллектуально, творчески подходя к выполнению трудовых действий. При этом под трудом понималась не только работа на заводах или физический труд. В 1970-х на основе ранних работ К. Маркса был сделан вывод об универсальном характере труда, а также о том, что он присущ человеку независимо от типа общественных отношений. Было принято считать, что «в процессе исторического развития человечества складываются материальные, духовные, эстетические и общественно-политические отношения людей и соответственно из сферы материально-практического труда исторически вычлениются научно-теоретическая, эстетическая и социально-политическая формы целесообразно-направленной деятельности общественного человека» [Товмасян 1972, с. 57]. Таким образом понимаемый труд связывал эту целесообразную деятельность человека с удовлетворением «материальных, познавательных, эстетических и социально-политических потребностей человека» [Там же, с. 59]. Социально-политическая потребность понималась как потребность в преобразовании общества в общество коммунистическое, потребность в управлении общественным развитием. Поэтому участие в работе общественных организаций – партийных и профсоюзных, демонстрациях, собраниях считалось удовлетворением этой потребности. Не менее важным полагалось и удовлетворение познавательных потребностей, особенно в стадии развитого социализма, когда в соответствии с теорией К. Маркса «наука в полной мере превращается в непосредственную производительную силу, а производство – в экспериментальную, материально-творческую и предметно-воплощающую науку» [Там же, с. 45].

В-четвертых, в рамках анализа мы рассматриваем практики проектирования человека на четырех уровнях: когнитивном, моральном, эстетическом и телесном. Когнитивный уровень позволит рассмотреть концептуализацию конфликта, предлагаемые и сформированные интерпретации его значимости, моральный уровень связан с выявлением нравственной оценки конфликта, данной с точки зрения матери, каковой она представлялась в 1970-х. На эстетическом и телесном уровнях изучаются художественные репрезентации образа матери, выступающей за сохранение мира. Тем самым предполагается реконструировать проект женщины-матери, борющейся за мир, каким он репрезентирован в советской культуре 1970-х годов в аспекте постконфликтной культуры этого периода.

И, наконец, понимая значительный объем материала, который можно было бы использовать, мы ограничимся исключительно одним типом источников – иллюстрированными журналами для женщин и детей, а точнее, тремя массовыми изданиями – «Ра-

ботница», «Крестьянка», «Мурзилка». Данные информационные ресурсы отражали как официальную политику государства в области материнства, так и различного рода практики ее реализации. Они представляли не только трактовку политических и правовых аспектов материнства, но и целый ряд воспитательных практик формирования человека нового типа, в том числе и практик, связанных с проектированием отношения женщины и матери к военным конфликтам.

Проблема проектирования человека и тема материнства в современных исследованиях

Проектирование человека как предмет анализа, как правило, возникает в связи с изучением истории советской культуры 1920–30-х годов. В коллективной монографии «Человек советский: за и против» таким примером является глава «Формирование “человека советского”: эволюция теоретических подходов большевистского руководства (1900–1930-е годы)», написанная О. С. Поршневой [Поршнева 2021]. Автор отмечает, что, проектируя «нового человека», большевики осознавали, что есть дальняя, стратегическая цель – идеальный коммунист будущего, а есть конкретные тактические задачи по преобразованию существующего человека в такого, который смог бы создать условия для появления будущего идеала. Также в коллективной монографии «Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований» под редакцией Л. Н. Мазур (см.: [Минц 2018]) авторы анализируют советского человека именно как предмет проектирования в связи с изучением технологий и механизмов социалистического преобразования политической, культурной и экономической сфер.

Материнство в последнее время в общетеоретическом плане исследуется в нескольких аспектах. С точки зрения духовно-нравственного смысла этого феномена критикуют общество потребления Э. Р. Фахрудинова, В. В. Суворов [Фахрудинова, Суворов 2021]. В контексте гендерной проблематики касается проблемы материнства в 1970-х Н. Л. Пушкарева [Пушкарева 2012]. Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина описывают институциональные формы поддержки распределения гендерных ролей в СССР, указывая, что именно в 1970-х тема материнства особым образом представлена в политическом дискурсе [Здравомыслова, Тёмкина 2003].

В оптике социально-теоретического и социально-психологического анализа изучаются такие вопросы, как практики памяти в постконфликтной культуре и влияние травматического опыта войны на женщин и детей. Ряд зарубежных исследователей [Hasić, Karabegović, Turković 2021; Boesten 2019; Takseva 2018; Wale, Gobodo-Madikizela, Prager 2020] отмечает, что память о пережитом опыте войны поддерживается различного рода культурными инициативами и общественными акциями, что позволяет женщинам примириться с итогами конфликта. Авторы статьи о матерях в Боснии и Герцеговине [Hasić, Karabegović, Turković 2021] указывают на важность «культуры памяти», сохранения памяти о геноциде, обращают внимание на несовпадение инициированных матерями общественных практик памяти с официальной концептуализацией конфликта. Автор статьи о постконфликтном Бугенвилле [George 2016] описывает деятельность женщин как миротворцев, показывает неоднозначность такой деятельности: под положительными аспектами миростроительства маскируются трудные местные реалии.

В статье Г. Орловой [Орлова 2007] можно обнаружить анализ воспоминаний современников, представленных в сетевых сообществах, об участии в советских акциях борьбы за мир, в том числе женщин и детей. Автор отмечает, что апелляция к материнским/родительским чувствам была нередкой в лозунгах борьбы за мир этого периода.

Также есть публикации, где представлен опыт анализа репрезентаций женщины и матери в советской культуре 1970-х годов. На материале искусства эту тему затрагивает Г. П. Сидорова [Сидорова 2013], а М. Давиденко изучает особенности телесного воплощения женщины на материале массовых периодических изданий для женщин [Davidenko 2016].

В целом можно видеть, что период так называемого брежневского застоя вызывает интерес у исследователей прежде всего с точки зрения гендерного анализа и практически не изучается в фокусе влияния военных конфликтов на проектируемый образ женщины-матери.

Материнство в советской культуре 1970-х: идеологический проект

В советской культуре военного и послевоенного времени основным символом глобальности военного конфликта стал образ Родины-матери. Одной из реализаций этого стал, к примеру, памятник на Мамаевом кургане, строительство которого завершилось в 1967 году. Масштабность сооружения и его символика определили на многие годы связь темы материнства и войны. «Мобилизационная функция связана с сакральностью этого символа, которая обусловлена как особой эмоциональной нагруженностью образа матери, так и историей использования материнского символа в важнейшие моменты российской истории, особенно в период Великой Отечественной войны» [Рябов 2015, с. 84].

Можно было бы предположить, что воспитание детей для борьбы с врагом должно было стать основной задачей матери. Однако надо отметить, что, как свидетельствуют политические документы в 1970-х, под борьбой понималась не только защита Родины, но и борьба за прогресс социализма во всем мире и особенно в СССР. Поэтому задачей матери становится воспитание не только воина, но прежде всего достойного труженика современного производства. Но такого рода задачи ставились перед партийными и комсомольскими, пионерскими организациями, детскими садами и школами, трудовыми коллективами и т. п. Ключевая функция матери в обществе поддерживается всеми институтами, и собственно ее вклад в общественное развитие определяется рождением здорового ребенка, вырастить которого она сможет в сформированной системе образования и здравоохранения.

Внимание к условиям ухода за детьми в 1970-х было вызвано ухудшающейся демографической ситуацией в стране. Так как не предполагалось, что женщина может перестать работать на производстве, материнство требовало от нее больших трудовых затрат. Функционирующие, к примеру, в этот период круглосуточные ясли и детские сады, куда можно было отдать ребенка на неделю до выходных (так называемые «семидневки»), должны были содействовать рождаемости. Также существенно были повышены пособия на детей и введены другие льготы. «Государство осуществляет пронатальную социальную политику и проводит идеологию, отождествляющую “правильную женственность” с материнством. Многочисленные, но не значительные по величине льготы беременным и матерям в 1970-е – 80-е годы призваны не только стимулировать деторождение. Таким образом происходит натурализация женской роли – продвижение идеологии материнства как естественного предназначения» [Здравомыслова, Тёмкина 2003, с. 315].

Женщина должна была понимать, что ее материнство не помешает ей продолжить работать, повышать квалификацию и т. п. «Именно к этому времени относится окончательное оформление гендерного режима, при котором статус “работающая мать” был объявлен достижимым идеалом» [Пушкарева 2012].

Женщина в первую очередь труженица, а во вторую – мать. Такая трактовка материнства сформировалась сразу же после революции, когда нормой виделась перспектива отдавать ребенка в детский дом, если работа и участие в общественной жизни не оставляют времени для воспитания ребенка. О. С. Поршнева выделяет два главных этапа проектирования образа нового гражданина в первые десятилетия советской власти: на первом – в 1920-х и первую половину 1930-х был сделан упор на коллективизацию, очищение общества от всего, что сопротивлялось этой цели. Одновременно закладывался образ «новой женщины», освобожденной от бытовых забот и, наравне с мужчиной, вовлеченной в трудовой процесс.

С начала тридцатых возвращается индивидуализм в виде трудового подвига: «культ героев, совершивших подвиги в мирной, трудовой, боевой сферах». Сменяется и повестка «женского вопроса»: «Стало утверждаться представление, что женщина реализуется не только в производственной и общественной сферах, но и в заботе о своей семье, муже и детях, поддержании семейного гнезда, воспитании детей в духе советской идеологии» [Поршнева 2021, с. 48]. Конечно, к 1970-м проект советской женщины 1930-х претерпел существенные трансформации, и необходимость матери делать выбор в пользу работы или обучения стала нормой.

В сентябрьском номере «Работницы» за 1970 год в рассказе В. Франюк под названием «Татьяна из Набережных Челнов» Татьяна – крановщица, замужем, и у нее двое детей. Она принимает решение уехать на стройку в другой город (Набережные Челны), оставив двоих маленьких детей мужу и свекрови. И это не первый ее длительный отъезд: «Не в первый раз уезжала она из дому вот так – одна. Пять лет назад Татьяне – тогда еще штукатуру – предложили поехать учиться в Свердловск на курсы крановщиков» [Работница 1970, № 9, с. 9].

И хотя героине рассказа было нелегко расстаться с детьми, эта боль расставания воспринимается как нечто само собой разумеющееся и не препятствующее отъезду: «Нелегко достались Татьяне те полгода учебы вдали от дома. Зато выучилась и с тех пор работала крановщицей на горно-обогатительном комбинате. Стала первой работницей» [Работница 1970, № 9, с. 9].

Естественные человеческие чувства привязанности к детям не отрицаются: через довольно продолжительное время Татьяна признаётся, что начала скучать по детям. Какой выход из сложившейся ситуации нашла героиня? Она ни в коем случае не бросает работу, не возвращается к семье. Из двух детей забирает к себе в общежитие дочь. Ситуация Татьяны далеко не уникальна, так живут многие: «У Вали полуторогодовалый сын Мишутка. Тоже с ней в общежитии» [Работница 1970, № 9, с. 10].

Общественно значимая деятельность, труд важнее семейных обстоятельств, привязанностей. Также можно видеть, что не приветствовался отказ от заботы за ребенком, отказ собственно от материнства.

Тема равенства в СССР, представленная в детском журнале 1970-х, раскрывается не только как возможность женщины выполнять любую работу. После Великой Отечественной войны, когда на фронте практически во всех видах войск воевали женщины, вопрос о равноправии поднимается не с точки зрения прав на профессию, а в аспекте образования. Достижения СССР в области научно-технического прогресса – ядерное оружие, освоение космоса и т. п. – трактовались как гарант мира. Соревнование двух систем в первую очередь с необходимостью проявлялось в сфере научных достижений и технологий.

Это очень типично для анализируемого периода, когда особо акцентировалось внимание на прогрессе в области науки и техники. К примеру, в третьем номере журнала «Мурзилка» за март 1970 года мы видим рассказ А. Басалаевой «Девочка в школе», где повествуется, как приходило образование в деревушки и сёла. Родители были готовы отпустить сыновей на обучение, но для девочек находилась другая работа: «Эту тоже не отпустят в школу: она у матери нянька и домашница» [Мурзилка 1970, № 3, с. 10].

В негативном ключе описывается стереотип предназначения будущей женщины к «домашней» работе, отличный от мужского. Женщина должна была быть образованной наравне с мужчиной, поэтому в рассказе присутствует семья, готовая отпустить свою дочь на учебу. И девочка присоединяется к классу, полному мальчиков, справляется не хуже них, да и к тому же своим упорством и трудолюбием преодолевает изначальную агрессию мальчишек по отношению к «чужеродному» элементу в классе.

В этом же номере «Мурзилки» мы видим эссе, посвященное празднику Восьмого марта, – «Самая красивая», где кратко и ясно описывается идеальное представление о становлении женщины и будущей матери из девочки: «Она была девочкой, а стала кра-

савицей, была школьницей, а вернется домой взрослым человеком» [Мурзилка 1970, № 3, с. 21].

Такое преобразование происходит не дома, а в школе, именно там происходит трансформация. Общественное, а не семейное является катализатором изменений внутри человека: «Это значит, если она пойдет в рабочие – ей покорятся машины. Пойдет в колхозницы, то ей подвластны будут поля, стада, сады. Если она будет студенткой, то изучит все науки...» [Мурзилка 1970, № 3, с. 21].

В этом тексте особо указывается возможность высшего образования как нормальной перспективы для девушки. Во «взрослом» журнале также можно видеть сюжеты, связанные с будущим работниц, следствием возможностей для обучения и повышения квалификации: «Профессиональный творческий рост женщин стал у нас законом жизни. Взять наш завод. Многие командные посты занимают женщины. Главный экономист... главный бухгалтер... главный металлург... На заводе женщины составляют более половины» [Работница 1979, № 1, с. 9].

В первом выпуске «Работницы» за 1979 год мы можем прочесть в статье Л. Лянге «Не числом, а умением» об обновлении способов работы и производства на прядильно-ткацкой фабрике: «За последние годы на фабрике установлено более тысячи новых станков и машин. Среди них и пневмомеханические прядильные машины, которые считаются особенно перспективными»; «Всех, кто приезжает сюда, поражает высокая техническая информированность прядильщиц, операторов машин и ИТР. Университет технического прогресса, который работает на фабрике, уделяет много внимания новейшим разработкам в текстильном деле» [Работница 1979, № 1, с. 16].

В семидесятых образ женщины-матери, как и в прошлые годы, был связан с образом трудящегося человека, однако происходит смена акцентов. Вместо передовиков производства, которые поражали объемом выполненной работы, на первом плане специалисты высококвалифицированного труда, свидетельства научно-технического прогресса, в том числе и в области кибернетики. В журнале «Работница» появляется рубрика «НТР и труд женщины», где вот так теперь описываются новшества на производстве:

«Она работает кондитером вот уже сорок лет. Хорошо помнит, как вручную ворожали раскаленные тяжелые противни... А сегодня М. Я. Дзените – хозяйка конвейера, под ее началом послушные аппараты. В каждом цехе рижской кондитерской фабрики “17 июня” можно увидеть новую технику, которая облегчает, механизмирует труд. Особенно много ее появилось в последнее время» [Работница 1979, № 6, с. 7].

«Естественно, особое внимание сосредоточено на механизации участков, где заняты женщины. К концу пятилетки каждая вторая работница из тех, кто сегодня еще выполняет ручные операции, будет переведена на механизированный участок» [Работница 1979, № 6, с. 7].

«Скажу о себе, раньше я работала на обычных сверлильных станках, а теперь – на станках с программным управлением» [Работница 1979, № 1, с. 9].

Также можно сказать, что, хотя, как и ранее, каждая женщина должна была, совмещая материнство и работу, быть прежде всего эффективным специалистом, тружеником, в 1970-х можно наблюдать существенную трансформацию. Теперь это женщина, материнство которой поддержано достаточно развитой системой дошкольного, школьного и дополнительного образования детей. В сентябрьском выпуске «Работницы» за 1970 год читаем: «В последние два-три года город разрешил проблему, которая относительно недавно была для наших женщин едва ли не самой острой: построено столько детсадов и яслей, что у нас нет больше очередей, своего ребенка может поместить туда каждая мать» [Работница 1970, № 9, с. 1].

Для нее естественно использовать прачечные и магазины полуфабрикатов, дома быта, а также бытовую технику. Во втором выпуске «Работницы» рекламируются: «Стул в сумочке. Складной, легкий, он удобен для мам, выезжающих с детской коляской в парк...»; «Тарелка-термос. Многие малыши едят медленно – и суп и каша успевают остыть, пока в тарелке покажется дно» [Работница 1970, № 2, с. 31].

Она стремится к новому и постоянно учится, чтобы соответствовать научно-техническому прогрессу на производстве. К тому же этой женщине не чужда культура, она следует моде и т. п. По-другому говоря, она более чем современна и стремится не отставать от быстро меняющейся жизни.

Воплощенным примером стала космонавт Валентина Терешкова, которая наравне с мужчинами овладела сложной техникой, смогла перенести трудности полета. Она полетела в космос в 1963 году, а родила свою дочь Елену в 1964-м, на своем примере демонстрируя идеал материнства в Советском Союзе: молодая женщина, способная к свершениям в своей карьере, продолжающая трудиться до и после рождения ребенка. Ее главная общественная задача была демонстрировать возможности женщины в СССР на международном уровне, она была главой Комитета советских женщин (1968–1987), вице-президентом Международной демократической федерации женщин, а также членом Всемирного совета мира.

Концептуализация военных конфликтов и моральные принципы матери в борьбе за мир

В партийных документах 1970-х годов победа СССР в Великой Отечественной войне соотносилась, как и ранее, с преимуществом общества нового типа. Подчеркивалось, что успехи в строительстве коммунистического общества соответствуют памяти о победе в войне, а борьба против империалистических сил, которые развязывают войны, – это борьба «за осуществление тех идеалов мира, демократии и свободы, за которые народы сражались против фашизма и милитаризма» [О международном положении ... 1975]. Иначе говоря, борьба за мир трактовалась, фактически, как продолжение войны с фашизмом, в связи с тяжелейшим опытом пережитой войны. Концепты по сравнению с 1960-ми поменялись. «В начале десятилетия переход от напряженности к разрядке был определен как результат приложения “мирных усилий”, а новое качество международных отношений входило в обиход вместе со словами “разрядка”, “доверие”, “мирное сосуществование государств с разными политическими системами”, “замораживание гонки вооружений” и так далее» [Орлова 2007].

Вместе с тем исследователи отмечают, что к 1970-м организация борьбы за мир была излишне формализована – обеспечена нормативной и методической литературой, подготовленными кадрами, от которых требовали отчетов о проведенных мероприятиях (см.: [Раева 2017, с. 21]). «Размах, частота и регулярность мирных действий всегда имели значение для экстенсивного советского миролюбия, эффективность которого измерялась количественно – в рублях, мирных душах, пройденных в ходе автопробега километрах и числе митингов в единицу времени. Судя по перспективным планам (обязательным с начала 1970-х годов), бороться за мир следовало не реже одного раза в месяц-полтора» (см.: [Орлова 2007]).

За десятилетие с 1970-го по 1979 год в «Работнице» было напечатано много статей, прямо или косвенно посвященных вопросу борьбы за мир, за его поддержание. Как правило, обязательно сообщали прежде всего об общественных мероприятиях, заседаниях комитетов разных организаций, обычно столичного и международного уровня. В июльском выпуске журнала «Работница» за 1973 год в заметке «Ради мира на земле» описывается: «Очередное заседание Бюро Международной демократической федерации женщин... Бюро обратилось к женщинам мира с призывом умножать свои действия в борьбе за мир и разоружение, национальную независимость, демократию и социальный прогресс, бороться за сокращение военных бюджетов...» [Работница 1973, № 7, с. 12].

Отмечается особое место советских женщин и Советского государства в миротворческом движении: «Конгресс будет проходить у нас, в Советском Союзе. Участницы заседания горячо приветствовали созыв конгресса в стране, которая идет в авангарде всемирной битвы за мир» [Работница 1973, № 7, с. 12].

Мартовский выпуск «Работницы» 1977 года начинается со статьи «И встанут рядом новые бойцы», посвященной женскому движению, и в частности его антивоенной деятельности: «...мы снова встретились с ней на международном семинаре по вопросам борьбы за всеобщий мир и разоружение» ... «международное женское движение никогда не отрывало борьбу за экономические и демократические права от борьбы за мир» [Работница 1977, № 3, с. 1].

В майском выпуске «Работницы» за 1979 год журнал открывается статьей «Торжество детства», где упоминается пленум Комитета советских женщин: «...подводил итоги деятельности комитета в минувшем году и обсуждал его задачи в связи с проведением Международного года ребенка. Идеи Года ребенка неразделимы с проблемами современности: борьбой за мир, за разоружение, за социальный прогресс» [Работница 1979, № 5, с. 1].

Очевидно, что авторы статей из года в год используют одну и ту же лексику, следуя сложившейся концептуализации военного конфликта. При этом характерным для 1970-х является связь борьбы за мир с разоружением. Тексты дискурсивно почти неразличимы, так что можно согласиться, что они не могли вызывать каждый раз интерес и реакцию читателей.

Для того чтобы добиться эмоционального отклика, как правило апеллировали к чувствам матери. Так, в мартовском выпуске за 1971 год мы видим заметку «Позор агрессорам», иллюстрированную фотографией статуи женщины, обнимающей и прикрывающей руками в защитном жесте своего ребенка.

Сочувствие пострадавшим вызывает и статья Н. Колесниковой в январском выпуске 1973 года «Счет агрессору», посвященная войне во Вьетнаме. Автор статьи, врач и доктор медицинских наук, подробно рассказывает о травмах, ранах и долгосрочных последствиях агрессии: «Она поступила сюда [в госпиталь] в шоковом состоянии, с множественными повреждениями, ранениями головы и живота. Предстояла экстренная операция. Женщине удалили селезенку, ушили повреждения в печени и кишечнике, обработали рану головы. Но у Нгуен Тху Хоа оказался затронутым мозг, и остановить в нем гнойный процесс не удалось. Плохая память, частые головные боли, периодически высокая температура и гнойные свищи – обычные последствия таких ранений. Многие остаются инвалидами на всю жизнь» [Работница 1973, № 3, с. 19].

В заметке «Позор агрессору», где критикуют действия американского правительства в Лаосе, также очевидно стремление редакции журнала придать теме борьбы за мир большую эмоциональность: «“Требуем правды” – с такими плакатами явились в Белый дом представительницы движения “Женщины, боритесь за мир” и Международной женской лиги “За мир и свободу”» [Работница 1971, № 3, с. 9].

«С заявлением по поводу американско-сайгонской агрессии выступил Комитет советских женщин: “Преступные действия американского правительства, – говорится в заявлении, – вызывают гнев и презрение советских людей. Они клеймят позором американских агрессоров, несущих слезы, горе и страдания женщинам и детям Лаоса, Вьетнама и Камбоджи”» [Работница 1971, № 3, с. 9].

О пленуме: «...участницы пленума не могли не думать: жив ли этот ребенок? Не осиротел ли он в дни китайской агрессии? Чувства, охватившие всех матерей, выразила В. В. Николаева-Терешкова в своем докладе: “Гневом и болью отозвалось в сердцах женщин мира нападение Китая на Вьетнам”» [Работница 1979, № 5, с. 1].

Реконструируя ценностные ориентации, которые в рамках указанного проекта должны были определять деятельность матерей, протестующих против войны, можно выделить следующие. Во-первых, материнство наделяет женщину особым статусом – статусом миротворца; во-вторых, женщина должна быть солидарна с матерями из других стран, независимо от общественного строя; в-третьих, материнство предполагает, что женщину волнует судьба детей во всех странах, особенно в тех, где идет война. Она должна чувствовать себя матерью всех детей во всем мире. И наконец, осуждение войны всегда означает выявление антигуманной, аморальной политики империализма.

В третьем выпуске «Работницы» за 1976 год, в поздравлении женщин с Международным женским днем, отмечается особое стремление именно матерей к миру: «Прекрасно материнство – основа жизни, ее продление, ее святая любовь. Прекрасны матери всех континентов. Но сколько тревоги на их лицах!.. На земле не прекращаются вооруженные агрессии, развязанные и спровоцированные империалистами. Нищета и болезни еще вырывают детей из материнских рук. Матерям всей планеты нужны мир и социальная справедливость» [Работница 1976, № 3].

Эти слова сопровождаются иллюстрацией, на которой изображены женщины разных рас, разных социальных и культурных положений, но все с детьми: от беременной женщины до матери, обнимающей пятилетнего ребенка. Подчеркивается, что это особая женская забота и тревога – борьба за мир и его поддержание: «Именно женщинам, дающим жизнь, принадлежит особое право – и в этом их долг – бороться за светлое завтра наших детей, внуков и всех грядущих поколений...» [Работница 1976, № 3].

Визуальные репрезентации военных конфликтов и образ матери

Можно отметить, что тема движения за мир чаще представлена словесно, чем визуально. В большинстве номеров «Работницы» семидесятых годов есть по меньшей мере одна статья, посвященная разоружению, разрядке, необходимости мирного сотрудничества. Очень часто тема связана с женско-материнским общественным движением, неофициальным символом которого, как уже говорилось, была первая женщина-космонавт – Терешкова. К примеру, в статье Ольги Чечеткиной «Шаги к миру» в январском номере за 1973 год нет иллюстраций, так же как в публикации статьи Я. Боровой «За мирное и счастливое будущее наших детей» апрельского номера 1979 года.

В тех случаях, когда иллюстрации присутствуют, мы видим не плакаты, а фотографии не борцов, а жертв. Можно отметить, что подобно тому, когда, исследуя постконфликтную ситуацию, авторы концентрируются на полученной травме, так и в семидесятых, при обсуждении необходимости мира, авторы статей чаще писали о трагических случаях, которые возникали вследствие военного конфликта. В качестве иллюстрации к вышеупомянутой статье о необходимости мира во Вьетнаме мы видим фотографию четырех раненых детей, в бинтах и с выражением уныния, смирения и боли на лице. В июньском выпуске 1979 года осуждается вторжение Китая во Вьетнам, и на фотографии мы видим грустную и явно обеспокоенную мать, наблюдающую, как ее маленький ребенок играет с куклой. В этом же выпуске есть репортаж В. Запорожченко из ЮАР, где дети страдают и голодают. На фотографиях страдающие, истощенные дети на фоне пейзажа разрухи и тщетно пытающиеся успокоить их матери.

Если все-таки изображаются матери, выступающие за мир, то можно видеть существенные изменения по сравнению с 1950-ми годами. Для сравнения можно привести публикацию в февральском выпуске «Работницы» 1952 года картины «И. В. Сталин с матерью» А. Казанцева. Сталин изображен ведущим под руку престарелую женщину в длинном красивом платье, с покрытой платком головой. Иллюстрацию сопровождают слова Горького: «Прославим в мире женщину-Мать, единую силу, пред которой покорно склоняется Смерть!», «Мать – творит, она – охраняет, и говорить при ней о разрушении – значит говорить против нее...», «Мать – всегда против смерти; рука, которая вводит смерть в жилища людей, ненавистна и враждебна Матерям...», «...матери ненавидят оружие нападения, признавая только то, которым защищается жизнь». Матери пятидесятых – либо непосредственные участницы Великой Отечественной, либо труженицы тыла, либо выросшие девочки, пережившие войну. У них суровые лица, прямые и открытые взгляды. Часто это женщины с медалями и орденами.

В период оттепели образ матери «молодеет», как правило изображают скорее девушек, чем женщин в возрасте. В третьем выпуске «Работницы» 1957 года на всю страницу напечатана картина Ф. Решетникова «Голуби мира». Изображена демонстрация, вероятно первомайская, движущаяся по улице города, над толпой летают белые голуби и разноцветные шары. Люди несут транспаранты с призывами к миру. Впереди идут

дети: десятилетние и младше, есть даже младенцы, которых в детских колясках катят другие дети. На лицах детей улыбки, глаза широко раскрыты и смотрят вперед. Дети буквально ведут людей за собой в светлое, мирное будущее. В этом же выпуске плакат о предстоящем Всемирном фестивале молодежи и студентов. Мы видим молодых мужчину и женщину, поднимающих к небу «букет» из флагов стран с подписью «За мир и дружбу».

Олицетворением образа матери, советской гражданки, борющейся за мир, в 1970-х, как уже упоминалось выше, была Валентина Терешкова. С регулярностью ее фотографии появлялись на страницах «Работницы», вот и в майском номере за 1979 год мы видим ее стоящей за трибуной, а рядом сидят другие женщины. Все хорошо и по моде, хотя и официально, одеты, с красивыми прическами.

В статье Т. Блажановой «Тождество детства», в этом же номере, говорится о необходимости прекращения войн и установления мира на земле. Рисунок изображает молодую мать, сидящую у окна и смотрящую в снежную даль. Рядом – люлька с новорожденным ребенком, который спокойно спит. От рисунка идет ощущение спокойствия, защищенности и надежды на мирное будущее.

Следует отметить, что в 1970-х регулярно происходили разного рода шествия, демонстрации или спортивные соревнования (непрофессионалов) в поддержку мира. Марафоны мира проводились в 1972 и 1978 годах, спартакиады на предприятиях также часто проводились под лозунгами в поддержку мира во всем мире. В рассматриваемых женских журналах такого рода практики подробно не освещались, хотя женщины, безусловно, в них участвовали. Фотографии подобных событий не акцентировали внимание читательниц на участии матерей в этих мероприятиях.

Реконструкция эстетических и телесных символизаций проекта матери, борющейся за мир во всем мире, свидетельствует о том, что прогресс в достижении мирного будущего связывался с деятельной, социально активной молодой женщиной, материнство которой сохраняет ее вовлеченность во все сферы жизни. Вместе с тем на визуализацию этого проекта оказывал влияние традиционный образ материнства, в художественном плане наследующий классические образцы изображения матери и ребенка. Не случайно в рассматриваемых женских журналах часто публиковали репродукции живописных полотен, на которых были изображены женщины с детьми.

Заключение

Завершая, хотелось бы подчеркнуть, что анализ массовых женских изданий за период с 1970-го по 1979 год позволил осуществить реконструкцию одного из значимых проектов этого времени – матери, выступающей за мир. Постконфликтная культура 1970-х годов формировалась под влиянием предшествующей практики осмысления итогов Великой Отечественной войны, влияющей на концептуализацию новых военных конфликтов. Как было показано, в основе проекта было марксистское понимание сущности человека и его новой роли в условиях развитого социализма, экономика которого определялась темпами научно-технического прогресса. Так что женщина, даже будучи матерью, являлась, в первую очередь, полноценным работником, готовым трудиться на самом современном производстве. Вместе с тем демографический кризис потребовал актуализации ценности материнства, поэтому эмоциональная связь матери и ребенка, особая способность женщины-матери сопереживать дополняют образ производственницы и общественного деятеля. Эта женщина не может быть равнодушной к трагедии других таких же матерей, поэтому активно включается в борьбу за мир во всем мире. Как было показано, в процессе проектирования проявлялись противоречащие друг другу тенденции: с одной стороны, нужно было ориентировать женщину стать еще более современной, свободно реализующей себя (в том числе как активной участницы борьбы за мир) в условиях ощутимой поддержки со стороны государства; с другой стороны, – подтвердить традиционный смысл материнства, увязав его с изначальным предназначением женщины. Более того, материнство трактуется как особый

статус, который предполагает право женщины обращаться к главам государств, которые развязывают войны, с призывом о мире.

Список источников

- XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 30 марта – 9 апреля 1971 года : стенографический отчет : в 2 т. М. : Политиздат, 1971.
- Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1, № 3-4. С. 299–321.
- Ленин В. И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение (Тезисы) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. Т. 27 : Август 1915 – июнь 1916. М. : Политиздат, 1969. С. 252–266.
- Минц М. М. 2018.04.024. Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сб. науч. тр. / гл. ред. Мазур Л. Н. ; отв. ред. Горбачев О. В. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 752 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История : информационно-аналитический журнал. 2018. № 4. С. 150–153.
- Мурзилка : журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина для октябрят. М. : Молодая гвардия, 1970. № 3.
- О международном положении и внешней политике Советского Союза : Постановление Пленума Центрального Комитета КПСС от 16 апреля 1975 года // Правда : газета. 1975. № 107. С. 1.
- Орлова Г. «Трактор в поле дыр-дыр-дыр, / Все мы боремся за мир»: советское миролюбие в брежневскую эпоху // Неприкосновенный запас. 2007. № 4 (54). С. 70–88. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/4/traktor-v-pole-dyr-dyr-dyr-vse-my-boremsya-za-mir-sovetskoe-mirolubie-v-brezhnevskuyu-epohu.html> (дата обращения: 25.04.2024).
- Поршнева О. С. Формирование «человека советского»: эволюция теоретических подходов большевистского руководства (1900–1930-е годы) // Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra : монография / В. М. Амиров, А. В. Антошин, В. И. Бортников [и др.] ; под общ. ред. Ю. В. Матвеевой, Ю. А. Русиной. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. Гл. 2. С. 32–49.
- Пушкарева Н. Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение : теория и история литературы, критика и библиография. 2012. № 5 (117). С. 8–23. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/5/gendernaya-sistema-sovetskoj-rossii-i-sudby-rossiyanok.html> (дата обращения: 20.04.2024).
- Работница : ежемесяч. обществ.-полит. и лит.-художеств. журнал. 1970. № 2.
- Работница : ежемесяч. обществ.-полит. и лит.-художеств. журнал. 1970. № 9.
- Работница : ежемесяч. обществ.-полит. и лит.-художеств. журнал. 1971. № 3.
- Работница : ежемесяч. обществ.-полит. и лит.-художеств. журнал. 1973. № 3.
- Работница : ежемесяч. обществ.-полит. и лит.-художеств. журнал. 1973. № 7.
- Работница : ежемесяч. обществ.-полит. и лит.-художеств. журнал. 1976. № 3.
- Работница : ежемесяч. обществ.-полит. и лит.-художеств. журнал. 1977. № 3.
- Работница : ежемесяч. обществ.-полит. и лит.-художеств. журнал. 1979. № 1.
- Работница : ежемесяч. обществ.-полит. и лит.-художеств. журнал. 1979. № 5.
- Работница : ежемесяч. обществ.-полит. и лит.-художеств. журнал. 1979. № 6.
- Раева Т. В. Советское движение за мир в послевоенной культурной дипломатии: институты, дискурсы, практики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17, № 2. С. 19–25. DOI 10.14529/ssh170203.
- Рябов О. В. «Родина-мать» в символической политике постсоветской России // Женщина в российском обществе. 2015. № 3-4 (76-77). С. 78–95.
- Сидорова Г. П. Советская хозяйственная повседневность в образах массового искусства 1960–1980-х: гендерные особенности аксиологии труда // Человек и культура. 2013. № 5. С. 70–89. DOI 10.7256/2306-1618.2013.5.9784.
- Товмасын С. С. Философские проблемы труда и техники. М. : Мысль, 1972. 280 с.

- Фахрудинова Э. Р., Суворов В. В. Философия материнства: от ценностей марксизма к ценностям общества потребления // Манускрипт. 2021. Т. 14, вып. 7. С. 1404–1408.
- Boesten J. Recalling Violence: Gender and Memory Work in Contemporary Post-conflict Peru // *Rethinking Transitional Gender Justice* / ed. by R. Shackel, L. Fiske. Cham : Palgrave Macmillan, 2019. P. 165–185. DOI 10.1007/978-3-319-77890-7_9.
- Davidenko M. Multiple femininities in two Russian women’s magazines, 1970s–1990s // *Journal of Gender Studies*. 2016. Vol. 27, Issue 4. P. 445–463. DOI 10.1080/09589236.2016.1233864.
- George N. Light, heat and shadows: women’s reflections on peacebuilding in post-conflict Bougainville // *Peacebuilding*. 2016. Vol. 4, Issue 2. P. 166–179. DOI 10.1080/21647259.2016.1192241.
- Hasić J., Karabegović D., Turković B. Locally Embedded Civil Society Organizations and Public Diplomacy: the Advocacy Roles of the “Mothers of Srebrenica” in Promoting a Culture of Remembrance // *Studies of Transition States and Societies*. 2021. Vol. 13 (1). P. 21–35.
- Takseva T. Building a Culture of Peace and Collective Memory in Post-conflict Bosnia and Herzegovina: Sarajevo’s Museum of War Childhood // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2018. Vol. 18, no. 1. P. 3–18. DOI 10.1111/sena.12265.
- Wale K., Gobodo-Madikizela P., Prager J. Post-Conflict Hauntings: Transforming Memories of Historical Trauma. Palgrave Macmillan, 2020. xxix, 371 p.

Информация об авторах

Екатерина Сергеевна Черепанова, д-р филос. наук, профессор, профессор ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Мария Анатольевна Янцен, магистр философии, лаборант-исследователь, аспирант ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Ekaterina S. Cherepanova, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia).

Maria A. Yantsen, Master of Philosophy, research lab assistant, Postgraduate student, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | Submitted 30.05.2024.

Одобрена после рецензирования | Revised 10.06.2024.

Принята к публикации | Accepted 10.06.2024.